МИР 21.09.2017 | Джеймс Глаттфельдер

Слишком надежно в сети, чтобы обанкротиться?

Джеймс Глаттфельдер о степени подверженности кризисам глобальных сетей международных корпораций

Финансовый кризис однозначно показал, что акторы финансового рынка между собой не изолированы. Крах какого-либо одного предприятия или институции может иметь последствия для всей страны в целом и даже для мировой экономики. Понятие системного риска приобрело четкие характеристики вместе с банкротством инвестиционного банковского холдинга Lehman Brothers. С тех пор в экономике началась замена парадигм, пусть даже и медленная. При этом основополагающий вывод для научного рассмотрения финансового рынка может быть сформулирован так: вместо того чтобы вычленять одного-единственного актора – одно предприятие, один банк, одного инвестора – и изучать поведение множества им подобных, следует признать объектом, который необходимо анализировать, систему как целое. Точно так же, например, невозможно понять природу человеческого мозга, если изучать один нейрон, а затем пытаться экстраполировать полученные знания на 100 млрд нейронов. Сетевая структура нейронов имеет решающее значение. Это изменение ракурсов может показаться тривиальным, однако предполагает основополагающее методологическое преобразование и позволяет анализировать множество сложных систем.

Молодая междисциплинарная область знаний пытается перенести этот вывод в свои исследования. Исследование комплексности оценивает сырье эмпирических данных в картине мира, которая базируется на взаимодействии. Ключевое словосочетание Big Data описывает беспрецедентно огромное количество разнообразных утилитарных данных, получаемых из всех процессов человеческой деятельности. Сбор и хранение таких данных становится с каждым днем дешевле и проще. Однако для того чтобы получить значимую информацию из этого множества данных, требуется также новый способ мышления. На переднем плане должны стоять не отдельные

математические абстракции, а реальные взаимодействия в системе.

Перспектива мейнстримной экономики искажена, упрямо поддерживается теоретический конструкт рационально действующего человека

Эту философию я и мои соавторы применяли в исследовании, которое мы опубликовали в 2011 году: «Сеть глобального корпоративного контроля» (The Network of Global Corporate Control). Из массива данных примерно о 30 млн действующих субъектов хозяйствования мы создали сетевую модель, состоящую примерно из 600 тыс. узловых пунктов. Сопряжения между акторами были указаны на основе взаимосвязей их долевого участия в 2007 году. Например, акционер А владеет х процентами акций фирмы Б. В свою очередь Б держит у процентов акций в фирме С. Так возникает сеть. Вместе с долевым участием в фирме возникает также возможность контроля. Мы дали квантитативный ответ на вопрос о том, сколько влияния потенциально мог бы иметь один участник или акционер.

Исследование произвело определенный фурор. С одной стороны, в то время этот подход к экономической системе был еще новым, с другой – наши результаты поражали. Мы обнаружили в глобальной сети крошечное, но доминантное ядро, состоящее примерно из 150 крупных акторов, которые все в высшей степени связаны между собой и имеют масштабный контроль над всей системой. Это были прежде всего англосаксонские финансовые институты, такие как Goldman Sachs и Barclay's, но также и Deutsche Bank, и – тогда еще – Lehman Brothers.

Таким образом, тема стабильности глобальной экономической системы предстала в новом ракурсе, который был эмпирически обоснован и не имел идеологической природы. Новые выводы в области исследования комплексности высветили следующую парадоксальную ситуацию: если усиливать сетевое объединение и взаимодействие в некой экономической системе, то вначале она становится стабильнее. Но после некоторого порогового значения степени сетевого объединения и взаимодействия каждая новая взаимосвязь начинает повышать системный риск. На этом фоне измеренная нами степень сетевого объединения и взаимодействия оказалась перманентной угрозой для глобальной финансовой стабильности.

Хотя отдельным ведущим игрокам пришлось отказаться от своего статуса власти, финансовый кризис, собственно говоря, не причинил большого вреда властным структурам в глобальной сети

Наряду с этими новыми подходами в экономике по-прежнему господствует мышление, которое ориентируется на очень специфические представления и методы. Затратные модели хотя и претендуют на математическую корректность, часто не применяют для ее обеспечения те самые эмпирические данные, которые становятся доступными во все более возрастающих объемах. Перспектива мейнстримной экономики искажена. При этом упрямо поддерживается теоретический конструкт некоего рационального человека, действующего с ориентиром на прибыль. И напротив, широко известные достижения психологии и прикладных нейронаук, которые занимаются проблематикой стадного поведения, когнитивных искажений или криминальной энергии, полностью остаются без внимания. Даже сегодня многие экономисты при изучении мировой экономики исходят прежде всего из эффективного рынка.

Тем не менее альтернативные исследовательские подходы, например, исследование сетей, постепенно получают признание. Появились новые исследовательские группы, которые исследуют глобальные сетевые объединения и взаимодействие фирм. Кроме того, государственные органы надзора и политические руководители тоже признали всеобщую релевантность структурированного сетевого взаимодействия, например, создав в 2011 году Европейский комитет системных рисков с целью раннего распознавания, превентивного недопущения и ликвидации рисков внутри финансового рынка. Концентрация внимания на системно обусловленных компонентах экономики является перенесением проблематики из сферы «Too big to fail» («Слишком велик, чтобы рухнуть») в русло дискуссии «Zu vernetzt um zu scheitern» («Слишком надежно в сети, чтобы потерпеть крах»). Только тот, кто знает сеть взаимодействий, может распознать болевые точки системы.

Как выглядит ситуация сегодня, через десять лет после сбора данных для нашего исследования? В настоящее время мы работаем над расширением исследования 2011 года. На этот раз мы анализируем совокупную глобальную сеть долевых участий и ее эволюцию за

период с 2007 по 2012 год. Хотя отдельным ведущим игрокам пришлось отказаться от своего статуса власти, финансовый кризис, собственно говоря, не причинил большого вреда властным структурам в глобальной сети. Складывается впечатление, что такие структуры, если они однажды возникли, не поддаются разрушению со стороны внешних воздействий. Мы наблюдаем также трансфер власти от европейских универсальных банков к американским компаниям, управляющим капиталом, во главе с BlackRock. Эти финансовые операторы существенно расширили свое долевое участие в фирмах. Например, три крупнейших актора по управлению активами (BlackRock, Vanguard и State Street) вместе владеют самой большой долей почти в 90 процентах крупнейших фирм США.

Все это – индикаторы, которые указывают на необходимость переоценки различных проблем в глобальной сети экономической власти. Сюда относятся все более ограниченная рыночная конкуренция за счет потребителей, новые возможности уклонения от налогообложения и, естественно, сам по себе вопрос о финансовой стабильности. Через 10 лет после финансового кризиса наши экономические системы ни на йоту не выглядят более прочными, адаптированными или устойчивыми, чем раньше.

Джеймс Глаттфельдер
Цюрих

Джеймс Б. Глаттфельдер (James B. Glattfelder) работает в Университете Цюриха на кафедре финансов и банковского дела. Являясь физиком-теоретиком, он получил ученую степень кандидата наук при Федеральном технологическом институте Цюриха (ETH Zürich). Десять лет он работал в финансовом секторе, а с 2015 года исследует мир стартапов в области финансовых технологий (FinTech) и технологий надежного распределенного хранения информации (blockchain). Кроме того, он пишет о науке, философии и обществе.